

УДК 821.161.1:305-055.2

„КОСМОЛОГИЯ ЛЮБВИ” В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ А. К. ТОЛСТОГО И А. А. КОНДРАТЬЕВА

Вадим Андрійович Смірнов

SmirnovVA1@yandex.ru

*Доктор філологічних наук, професор
Кафедра російської словесності та культурології
Івановський державний університет
Вул. Єрмака, 37/7, 153025, м. Іваново, Росія*

Анотація. Досліджується архетип „вічної жіночності”, його модифікації у творчості О. К. Толстого й О. О. Кондратьєва. Ця проблема була поставлена та розроблена у творчості німецьких романтиків, Й. В. Гете, а згодом стала ключовою в „гурзуфському циклі” О. С. Пушкіна. Продовжуючи цю традицію, безпосередньо пов’язану з ідеєю „двосвіту” Платона, „ейдосів” Аристотеля, О. К. Толстой створює свою концепцію ідеальної любові в так званих кримських нарисах. О. О. Кондратьєв, як учень І. Ф. Анненського, по своєму розробляє проблему „Руського Еросу”, причому робить це оригінально, звертаючись до „до-олімпійського” комплексу ключових міфологем давньогрецького Пантеону. Опора на слов’янську міфологію, прекрасне знання фольклору дали поетам можливість виходу до нового розуміння Космосу й цілісності світу. Об’єктивно „Лунарний міф”, який отримав свій розвиток в культурі Астарти, Артеміди, Живи/Мари, став своєрідним імпульсом для розуміння ідеальної жіночої любові, її плідного начала.

Ключові слова: О. К. Толстой, О. О. Кондратьєв, Космос, жіночий архетип, Універсум.

Об интересе А. А. Кондратьева к творческому наследию А. К. Толстого написано немало. Однако этот интерес, безусловно, определялся не только на внешнем „биографическом” уровне, но и имплицитно, в частности, в открытии мифологических праобразов Вечной Женственности.

По сути это был знак времени, в исследованиях читаем о своеобразном „энциклопедизме”, филологичности символистов, акмеистов. Так, Д. Е. Максимов в свое время отмечал: „Молодой Блок в набросках статьи о русской поэзии (1901–1902), как позже и А. Белый, измерял достоинство и ценность русских поэтов –

Тютчева, Фета, Полонского, Вл. Соловьева – отношением их поэзии к Вечно-женственному, по сути „мифологическому” началу, в котором он видел не только „живую жизнь”, но и „древнее” – „чистое от Астарты и Афродиты” [8, с. 11].

Своеобразие ранней прозы А. А. Кондратьева, с нашей точки зрения, и заключается в том, что его „до-олимпийские” персонажи укоренены в повседневности, возникает иллюзия их необходимого присутствия в реальном быте.

„Что познание – воспоминание, как учит Платон, – писал Вяч. Иванов, – оправдывается на поэте, поскольку он, будучи органом народного самосознания, есть вместе с тем и тем самым – орган народного воспоминания. Через него народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает спящие в ней веками возможности” [3, с. 141].

Продолжая пушкинскую традицию открытия Крыма, Меотии как прародины протославян (скифов-«пахарей» по Геродоту), А. К. Толстой в своем цикле „Крымские очерки” и находит в эмпирической реальности инобытие, своеобразный „софийный эйдос”.

Цикл этот, как хорошо известно, создавался сразу же после Крымской войны, сокрушительного поражения русских войск. Биографически он обусловлен выздоровлением А. К. Толстого после тифа, путешествием с С. А. Миллер, буквально спасшей его от смерти, по Крыму.

Волшебство поэзии А. К. Толстого и заключается, с нашей точки зрения, в том, что в обыденном он прозревает иное:

Душе легко. Не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде –
Что будет впредь, что было прежде –
Мне все равно – и что меня
Всегда как цепь к земле тянуло,
Исчезло все с тревогой дня,
Все в лунном блеске потонуло... [13, т. 1, с. 99].

Как известно, подлинно художественное создание начинается с активизации „внутреннего эйдоса”. А. Ф. Лосев определяет эту потребность к самовыражению „как образ или форму нематериальной правды, но с ярко выраженной картинкой и пластической структурой” [6, с. 156–157].

„Оковы земного бытия” отпали, лирическому герою А. К. Толстого видится в эмпирической действительности нечто иное:

Ты ль это, робости полна,
Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно? [13, т. 1, с. 99].

Преображение спутницы, открытие в ней высшего начала определяется не просто „лунным пейзажем”, а пониманием, прозрением ее внутреннего мира.

Как отмечает Р. Грейвс: „...религиозная система в Европе эпохи неолита и бронзы, вероятнее всего, была исключительно однородной и основывалась все на той же мистической связи между богиней-Луной и ее сыновьями, первоначально объединенными в различные потаенные фратрии” [1, с. 56–57].

Мне уже приходилось писать об особом „гурзуфском цикле” А. С. Пушкина. „Легендарные дни Гурзуфа” тем и важны для нас, что внутренняя, напряженная работа души поэта, его интеллектуальных способностей именно здесь (там, где сохранились остатки „грозного храма” в честь Артемиды Таврической) нашли свое неповторимое выражение, и можно говорить о „точке роста”, о качественном изменении художественной системы поэта [12, с. 47–48].

Именно „мифологические предания” (известное письмо к А. Дельвигу) и дали ей новый импульс. И, конечно же, это придало новый посыл развитию, реминисценциям в последующем развитии литературы.

Об античном наследии в художественном мире Пушкина в свое время писали такие видные ученые, как Н. Ф. Дератани [2], С. И. Радциг [11], Л. В. Пумпянский. Последний даже утверждал, что „русская литература есть одна из литератур, происшедших из рецепции античности” [9, с. 30].

Конечно, это крайность, своеобразная „энергия заблуждения”, но при этом следует учитывать и концепцию В. В. Кожинова, писавшего о русском Ренессансе, начавшемся стадияльно позднее западноевропейского, но достигшем поразительных результатов за сравнительно короткий срок.

Сейчас уже можно определенно утверждать, что ряд ассоциаций у Пушкина, связанных с Анадиоменой („появившейся на поверхности моря”), свидетельствует не только о прекрасном знании античной мифологии, но и сознательном акценте на космологическом акте любви, об избранничестве лирического героя.

Прекрасны Вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном [10, т. 5, с. 202].

По сути, лирический герой А. С. Пушкина вступает в священный брак с землей Таврии, подобно дожам Венеции, обручавшимся с морем. Такой же священный брак мы видим и в более отдаленной традиции: в древнем Вавилоне в день весеннего равноденствия в брак с землей вступал царь, выезжая сначала на повозке, а затем на корабле.

Рифма смысла отчетливо проявляется и в лирике А. К. Толстого:

Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!

...

Но беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг!
Всклокотал бы я и закипел бы!

...

В реве бури, в свисте урагана
Враг узнал бы бога океана! [13, т. 1, с. 110].

Гнев лирического героя А. К. Толстого вполне понятен и объясним. Уже при его жизни, а затем после смерти было немало слухов о многочисленной родне С. А. Миллер, якобы обиравшей поэта, пользуясь его простодушием и щедростью.

Для нас же в „Крымских очерках” скорее важна телеологическая ситуация, своеобразная энтелехия, перекличка с А. С. Пушкиным:

На той скале Дианы храм
Хранила девственная жрица,
А здесь над морем по ночам
Плыла богини колесница... [13, т. 1, с. 103].

Видимо, эти далекие контексты важны были для А. К. Толстого для воссоздания особой картины мира, необходимого присутствия женского божества, когда эмпирическая действительность вступает в своеобразный диалог с инобытием.

Ситуация, когда в повседневном быту постоянно присутствует память о до-олимпийских божествах, очевидно, становится доминантой в художественной системе А. А. Кондратьева. Так, в его „мифологическом романе” „Сатиресса” Антем рассказывает молодому сатиру о своем отце:

- „- А отец у тебя есть?
- Пропал.
- Как пропал?
- Да так, пропал... Он за ланью раз погнался. Очень красивая, говорят, лань была... Погнался, погнался, да так назад и не прибежал. Слух носился, что то не лань была, а богиня или нимфа-чародейка” [5, с. 47].

В этом обыденном рассказе явно проступает иное пространство и время, время „творения мира”, время „начал”. Как известно, у Артемиды были три ипостаси: лань, медведица, змея. В день весеннего равноденствия в Древней Греции девушки 15–16 лет устраивали артексессии, наряжались медведицами, проходя своеобразную инициацию.

Встреча охотника с ланью, оленем-золотые рога, златокрылой утушкой, столь характерная для сказочной традиции, стала своеобразным общим местом средневекового романа [7, с. 29–31]. Все это, безусловно, связано с ритуальным браком, космологизацией личности. И далеко не случайно Г. С. Кнабе назвал „Сатирессу” лучшим романом Серебряного века, наиболее точным воссозданием архаичной античной традиции [4, с. 211–212].

Таким образом, и А. К. Толстой и А. А. Кондратьев, следуя традиции, разработанной А. С. Пушкиным, обращаются не просто к „стилизации”, подражанию, а используют мимесис (припоминание) для воссоздания ритуальной реальности мифа, когда мир предстает куда значительнее, крупнее. Происходит своеобразный катарсис, и умному внимательному читателю открывается новое пространство мира, духовным очам предстает то иное, что дает не только выход из повседневности, но и тупиков индивидуального эгоистического сознания.

1. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
2. *Деретани Н. Ф.* Пушкин и античность / Н. Ф. Деретани // Уч. зап. каф. ист. всеобщ. лит. Моск. гос. пед. ин-та. – 1938. – Вып. 4. – С. 5–34.
3. *Иванов Вяч.* Родное и вселенское / Вяч. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
4. *Кнабе Г. С.* Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России / Г. С. Кнабе. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 238 с.
5. *Кондратьев А. А.* Сны / А. А. Кондратьев. – СПб. : Северо-запад, 1993. – 544 с.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – 473 с.
7. *Мелетинский Е. М.* Средневековый роман (Происхождение и классические формы) / М. Е. Мелетинский. – М. : Главн. ред. вост. лит. изд-ва „Наука”, 1983. – 304 с.
8. *Максимов Д. Е.* О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания) / Д. Е. Максимов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III / отв. ред. З. Г. Минц. – Тарту, 1979. – С. 3–33. – (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 459).
9. *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
10. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951.
11. *Радциг С. П.* О некоторых античных мотивах в поэзии А. С. Пушкина / С. П. Радциг // Вопросы античной литературы и классической философии. – Л. : Наука, 1966. – С. 369–386.
12. *Смирнов В. А.* Семантика образа матери/девы в „гурзуфском цикле” А. С. Пушкина / В. А. Смирнов // *Mundo Eslavo*. – 2011. – № 10. – С. 43–50.
13. *Толстой А. К.* Собр. соч. : в 4 т. / А. К. Толстой. – М. : Правда, 1969.

„КОСМОЛОГИЯ ЛЮБВИ” В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ А. К. ТОЛСТОГО И А. А. КОНДРАТЬЕВА

Вадим Андреевич Смирнов

SmirnovVA1@yandex.ru

*Доктор филологических наук, профессор
Кафедра русской словесности и культурологии
Ивановский государственный университет
Ул. Ермака, 37/7, 153025, г. Иваново, Россия*

Аннотация. Исследуется архетип „вечной женственности”, его модификации в творчестве А. К. Толстого и А. А. Кондратьева. Эта проблема была поставлена и разработана в творчестве немецких романтиков, И. В. Гёте, а впоследствии стала ключевой в „гурзуфском цикле” А. С. Пушкина.

Продолжая эту традицию, непосредственно связанную с идеей „двоемирия” Платона, „эйдосов” Аристотеля, А. К. Толстой создает свою концепцию идеальной любви в так называемых крымских очерках. А. А. Кондратьев, являясь учеником И. Ф. Анненского, по-своему разрабатывает проблему „Русского Эроса”, причем делает это оригинально, обращаясь к „до-олимпийскому” комплексу ключевых мифологем древнегреческого Пантеона. Опора на славянскую мифологию, прекрасное знание фольклора дали поэтам возможность выхода к новому пониманию Космоса и целостности мира. Объективно „Лунарный миф”, получивший свое развитие в культе Астарты, Артемиды, Живы/Морены, стал своеобразным импульсом для понимания идеальной женской любви, ее плодотворного начала.

Ключевые слова: А. К. Толстой, А. А. Кондратьев, Космос, женский архетип, Универсум.

“COSMOLOGY OF LOVE” IN THE ARTISTIC SYSTEM OF A. K. TOLSTOY AND A. A. KONDRATYEV

Vadim Smirnov

SmirnovVA1@yandex.ru

Department of Russian Literature and Culture Study

Ivanovo State University

Ermak str., 37/7, 153025, Ivanovo, Russia

Abstract. The article is devoted to the archetype of the “eternal femininity”, its modifications in the works of A. K. Tolstoy, and A. A. Kondratyev. This problem was formulated and developed in the works of the German Romantics and Goethe, later it became a key problem in A. S. Pushkin’s “Hurzuf cycle”. Carrying on the tradition, directly related to the idea of Plato’s “dual reality” and Aristotle’s “eidos”, A. K. Tolstoy created his own concept of ideal love in the so-called Crimean sketches. A. A. Kondratyev, being a disciple of Annensky, developed the problem of “Russian Eros” in his original way, referring to the “pre-Olympic” complex of the key mythologemes of the ancient Greek Pantheon. Reliance on Slavic mythology and excellent knowledge of folklore gave the poets the opportunity to open a new understanding of the cosmos and the integrity of the world. Objectively the “Moon myth”, developed in the cult of Astarte, Artemis, Zhiva/Morena became a kind of impulse for understanding of a woman's love, its fruitful origin. Thus, A. K. Tolstoy and A. A. Kondratyev, following the tradition developed by Pushkin, do not merely refer to the “styling”, imitating, but use mimesis (recall) to recreate the ritual reality of the myth, when the world appears much greater, larger. It is a kind of catharsis, and smart attentive reader opens a new space of the world, the spiritual eyes see something different that does not only provide a way out of commonplace, but also of selfish individual consciousness deadlocks.

Key words: A. K. Tolstoy, A. A. Kondratyev, cosmos, female archetype, universum.

References

1. Graves R. *Mify Drevnei Gretsii* [The Greek Myths]. Moscow, 1992, 624 p.
2. Deratani N. F. Pushkin i antichnost' [Pushkin and Antiquity]. *Uchenye zapiski kafedry istorii vseobshchei literatury Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1938, no. 4, pp. 5–34. (in Russian).
3. Ivanov Vyach. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow, 1994, 428 p. (in Russian).
4. Knabe G. S. *Russkaia antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediiia v kul'ture Rossii* [Russian Antiquity. The Meaning, Role and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia]. Moscow, 2000, 238 p. (in Russian).
5. Kondrat'ev A. A. *Sny* [Dreams]. Saint Petersburg, 1993, 544 p. (in Russian).
6. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Myth Dialectics]. Moscow, 1990, 473 p. (in Russian).
7. Meletinsky Y. M. *Srednevekovyi roman (Proiskhozhdenie i klassicheskie formy)* [Medieval Romance (Origin and Classical Forms)]. Moscow, 1983, 304 p. (in Russian).
8. Maksimov D. E. O mifopoeticheskom nachale v lirike Bloka (Predvaritel'nye zamechaniia) [Mythopoetic Origin in Block's Lyrics (Preliminary Observations)]. In: *Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaia kul'tura XX veka: Blokovskii sbornik III*. Tartu, 1979, pp. 3–33. (in Russian).
9. Pumpianskii L. V. *Klassicheskaiia traditsiia: Sobranie trudov po istorii po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collection of Works on the History of Russian Literature]. Moscow, 2000, 864 p. (in Russian).
10. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii : v 10 t.* [The Complete Works]. Moscow, Leningrad, 1950–1951. (in Russian).
11. Radtsig S. P. O nekotorykh antichnykh motivakh v poezii A. S. Pushkina [Some Antique Motifs in the Poetry of A. S. Pushkin]. In: *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filosofii*. Leningrad, 1966, pp. 369–386. (in Russian).
12. Smirnov V. A. Semantika obraza materi/devy v “gurzufskom tsikle” A. S. Pushkina [Semantics of the image of Mother/Virgin in the Gurzuf Cycle of A. S. Pushkin]. *Mundo Eslavo*, 2011, no. 10, pp. 43–50. (in Russian).
13. Tolstoy A. K. *Sobranie sochinenii : v 4 t.* [Collected Works]. Moscow, 1969. (in Russian).

Suggested citation

Smirnov V. “Kosmologiya liubvi” v khudozhestvennoi sisteme A. K. Tolstogo i A. A. Kondrat'eva [“Cosmology of love” in the artistic system of A. K. Tolstoy and A. A. Kondratyev]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2016, no. 94, pp. 207–214. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 4.04.2016 р.